

ЛИТОВСКОЕ *yrà* — 3 ЛИЦО ГЛАГОЛА „БЫТЬ“

Существуют две основные точки зрения на происхождение литовского *yrà*. Согласно одной (Gauthiot, Fraenkel), корень *ir-* восходит к форме имени существительного со значением „вещь“, „действительность“, „существование“, родствен. арм. *ir*, в котором элемент *-i-* в свою очередь связывается с и.-е. местоименным корнем **k^wi-*; а по функции балт. *ir* аналогично финно-угорскому глаголу „быть“ в форме 3-го л., ср. эст. *on*, не различающее чисел в форме 3-го л. Согласно другой точке зрения, *yrà* восходит к наречию или междометию типа лит. *aurè*. Эта гипотеза с осторожностью развита Х. Стангом в последних работах¹.

Можно высказать и третью точку зрения: *yrà* восходит к союзу *iĩ*, оформленному глагольным показателем 3-го л. Предложенная здесь этимология предполагает праформу **iṛā*. Долгое *ā*, засвидетельствованное в другой форме — *ĩrot(ès)*, отвлечено от 3-го л. глаголов с основой на *-ā*, ср. *laĩko* < **laikā*. Долгота *ĩ* обсуждается ниже. В подтверждение необходимо сначала обрисовать фон этой этимологии — особенности группы союзов и частиц типа *iĩ*, *aĩ*, *kuĩ* и т. д. со стороны формы и со стороны семантики, а затем уточнить некоторые детали реконструкции. Остановимся последовательно на этих трех пунктах.

Со стороны формы указанная группа слов обладает большим внутренним единством, как в балтийском, так и в славянском. Ср. параллелизм лит. *aĩ—iĩ—daĩ* и русск. союзов *а—и—да*. Лит. группа *aĩ—iĩ* имеет и третий член *eĩ*, также в *ergu*, *ergi*. Отношение его к *aĩ*, *iĩ* может быть двояким: *eĩ* или фонетический сравнительно поздний дублет к *aĩ*, поскольку чередования типа *aĩ/eĩ*, особенно в начальном слоге, характерны в той или иной мере для всей территории Литвы; или *eĩ* — древнейшая форма, входящая в единый аблаутный ряд *aĩ—eĩ—iĩ*. Второе предположение, по-видимому, более оправдано, так как форма *eĩ* в значении лит. *aĩ* имеется в прусском, а в значении и лит. *aĩ* и лит. *iĩ* су-

¹ Х. Станг, Третье лицо глагола „быть“ в литовском и латышском языках, — Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь Б. А. Ларина, Ленинград, 1963, 285 и след.; Ch. S. Stang, *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*, 1966, 414. Там же обзор вопроса.

ществовала с старолитовском (Fraenkel, Wörterbuch, I, 15). Возможно также, что *aĩ* и *iĩ* являются аблаутными производными, уже на литовской почве, от *eĩ*.

В ту же группу слов мы относим *daĩ* в силу его полной аналогии, с одной стороны, с лит. *aĩ*, *iĩ*, с другой, с русск. *да*, и *kuĩ* на том же основании, ср. ст.-слав. *къ-де*, *ку-да*:

Лит. (resp. балт.)		Русск. (resp. общеслав.)	
<i>eĩ</i>	{	<i>iĩ</i> _____	и
	}	<i>aĩ</i> _____	а
		<i>daĩ</i> _____	да
		<i>kuĩ</i> _____	*къ-
			{
			предлог къ
			местоим. къ-то
			наречия къ-де, ку-да

В этих сопоставлениях параллелизм лит. *aĩ*, лит. *à*, *ã*, *õ* и русск. *а* вытекает из данных К. Буги (К. *Būga*, RR III 283). Сопоставление лит. *iĩ*, лат. *ig* и русск. *и* общепринято (Фасмер, Словарь, II, 112; Endzelin, Lett. Gramm., 543). Необщепринятыми являются предположенные нами соответствия *daĩ* — *да* и *kuĩ* — предлог *къ* (ср. иное Fraenkel, Wörterbuch, I, 79; Фасмер, Словарь, II, 147), но они вытекают из единства всей группы слов.

Своеобразием всей группы является отчётливая выделяемость элемента *-г-*. Причем, поскольку *kuĩ* может восходить к **kuor* (Endzelin, Lett. Gramm., 478, вслед за Маловом, Хиртом, Штрейтбергом), то можно предполагать, что *-г-* или является позднейшим производным от *ag < *og*, если *kuĩ < *ku-or*, или что все слова группы содержат один и тот же и.-е. союз в форме сонанта **-г-* (ср. греч. *ἄρ*, *ῥα*), который в независимом или начальном положении принимает форму *aĩ*, *eĩ* (*< *og*, **er*), в межсловном положении, соответствующем союзу „и“, между двумя словами с самостоятельными ударениями — форму *iĩ* (*< г*), а в положении энклитики после гласного форму *r*: *daĩ*, *kuĩ*. При первом предположении, т. е., если *kuĩ < *kuor < *ku + or*, бросается в глаза параллелизм с русским сложением *куда < ку-да*; в обоих случаях один из союзов группы (лит. *aĩ*, русск. *-да*) входит энклитикой в состав другого союза той же группы.

Таким образом, элемент **-г-* или **-or/-er-* обладал широкой сочетаемостью большой свободой вхождения в различные по значению, форме и акцентному ритму сочетания.

Если принять второе из высказанных выше предположений — об и.-е. характере **-г-*, то возникает мысль, по крайней мере в том, что касается фонетической формы и свободы сочетаемости, — о его сходстве с медиальными

глагольными окончаниями в хеттском — *gi*, *gi* и в итальянских окончаниях медиопассива 1-го и 3-го л. ед. и мн. числа: латин. *feror*, *fertur*, *ferātur*, умбрск. *ferar* = латин. *ferātur*, а следовательно, также и о том, что это *-r-* — союз могло быть частично или полностью отождествлено и подкреплено каким-то не сохранившимся глагольным показателем, тождественным и. -е. глагольному *-r-*, и в форме лит. *ugà* как форме со значением непереходности и состояния. Последнее предположение, разумеется, не обязательно для предложений этимологии.

Для непосредственной реконструкции нет необходимости заходить так далеко. Достаточно принять, что группа союзов, или один союз в различных позиционных гесп. аблаутных вариантах, **-r̥/er/or*, в силу широкой сочетаемости мог вступить в сочетание и с глагольным показателем 3-го л. *-ā*. При этом отрицательная форма содержала союзный элемент *-er-*, а утвердительная форма — элемент *-r̥* > *-ir-*: **ne-er-ā* > *nērā*, **ir-ā* > **irā* > *ugà*.

Со стороны семантики. Если учесть возможность того, что *eĩ*, с одной стороны, и *aĩ*, *iĩ* с другой — не одновременные по происхождению формы, но что *eĩ* на литовской почве предшествовало двум другим формам, развитым из него по продуктивной схеме аблаута (см. выше), то в отрицательной форме, может быть, сохранился более древний вид формы 3-го л., чем в форме утвердительной. Это обстоятельство может отчасти объяснить и ту, обнаруженную Х. Стангом странность, что в старолитовских памятниках, у Ширвида, *ugà* обобщается сначала в отрицательных предложениях существования: возможно, что впечатление обобщения — лишь иллюзия, возникающая в силу нашего ретроспективного взгляда, и что в действительности здесь мы имеем дело с исторически более ранней, или даже исходной формой.

По своему значению эта форма *nērā*, содержащая *eĩ*, соответствовала в нерасчлененном виде двум расчлененным формам — утвердительной форме *iĩ* и вопросительной форме *aĩ*. Такое утвердительно-вопросительное значение и притом также в отрицательной форме имеет аналогии в русск. *нет ли?*, в отрицательно-утвердительных сравнениях фольклорной поэзии *не гром гремит...*, *не белы снеги ...* и т.п., так же и в литовском: *nelýg*, *nelýginant*.

Общий же семантический фон, на котором возможно осмысление соединительного союза как предикативной глагольной связки в указанной группе союзов налицо. Через все союзы группы, как с балтийской, так и со славянской стороны, проходит основная, сквозная, линия значения — „сосуществование“, с дальнейшими частными дополнительными признаками значения, варьирующимися в разных формах и разных языках. Ср. лит. *aĩ* в значении лит. *iĩ* в говоре Паневежиса (*Būga*, *Fraenkel*); лат. *ar* в значении лат. *ir* (*Endzelin*, *Lett. Gramm.*, 492); русск. *да* в значении и: *Иван да Марья*; русск. *да*

в значениях а, как вопросительном — *а он-то что?* = *да он-то что?*, так и противительном — *могу, а не хочу* = *могу, да не хочу*; чешск. а. = русск. и, и т. д.

Остановимся теперь на некоторых деталях. Этимология, предложенная Х. Стангом, предполагает праформу *ugà* < **īgā*. Эта этимология, особенно в одном ее варианте (*ugà* — по происхождению междометие типа *augè*), но также, хотя и меньше, в другом варианте (*ugà* по происхождению наречие), — наталкивается на две трудности, отмеченные самим автором: трудно объяснить 1) конечное — а, 2) продление корневого -i-. Для предложенной здесь этимологии первая трудность, очевидно, не существует, а продление -i- может быть объяснено двояко, причем обе причины таковы, что не исключают друг друга, а сопутствуют друг другу. Во-первых, долгота -i- объясняется как заместительная долгота, возникающая при переходе закрытого слога *iĩ*, состоящего из дифтонга, в такую позицию, а именно, в позицию перед гласным -ā в сочетании с ним, где этот слог расчленяется слоговой границей на гласный -i- и согласный -r-, причём -i- оказывается в открытом слоге: $\#iĩ\# > iĩ + ā > ī + gā$. Во-вторых, вполне определенную роль могла сыграть аналогия с продлением гласного в презенсе после утраты носового инфикса в целой группе глаголов: *biĩti* — *būga* < **binga*. Если же принять, что *iĩ* подвергся метатонии, до которой он имел акутовую интонацию², то объяснить заместительную долготу еще легче, аналогично тому, как это делает Й. Казлаускас для соотношения инфинитив типа *gĩrti* — претерит с продлением гласного типа *gýrè*³.

Особое значение для дальнейших реконструкций в сфере литовского глагола имеет то, что в таком случае в форме *ugà* мы получаем засвидетельствованное акутовое ударение на последнем слоге формы 3-го л. Это позволяет, в частности, представить соответствующие парадигмы без изгиба акцентной кривой на форме 3 л., например: *laikýti* : **laikáu* — **laikái* — **laiká*.

Можно также допустить, что присоединенным глагольным показателем было не *-ā, но -à краткое ударное, соответствующее реконструируемому спряжению глаголов типа *šaiũkia* < **šaukià*⁴. В таком случае сохранение ударения на окончании также можно объяснить исключительным положением изолированной формы *ugà* в глагольной системе.

² К. Būga, Die Metatonie im Litauisch. und Lett., — RR III 427.

³ J. Kazlauskas, Lietuvių kalbos istorinė gramatika, Vilnius, 1968, 353.

⁴ J. Kazlauskas, Указ. соч., 95.